

Квиллер

Адам Холл

Меморандум Квиллера

Холл А.

Меморандум Квиллера / А. Холл — — (Квиллер)

Политический детектив Адама Холла (р. 1920, псевдоним Эллестона Тревора) «Меморандум Квиллера» (1966) описывает события, происходящие в Берлине в 60-е годы. Герой романа, разведчик Квиллер, согласно легенде – сотрудник Красного Креста, который разыскивает родственников беженцев, умерших в Англии. Но его истинная миссия (сформулированная во врученном ему «меморандуме») – выследить и уничтожить нацистского преступника Гейриха Цоссена. Роман был удостоен престижной литературной премии, переведенна 18 языков, экранизирован.

Содержание

1. Поль	5
2. Крючок	8
3. Снег	13
4. Стена	16
5. “Феникс”	21
6. “Квота”	27
7. Красная черта	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Адам Холл

Меморандум Квиллера

1. Полю

Две стюардессы в аккуратных униформах Люфтваганзы появились из-за стеклянной двери. Взглянув на группу летчиков, стоявших у бара, они разом повернулись на своих каблучках-гвоздиках к зеркалу и начали прихорашиваться. Летчики, высокие блондины, наблюдали за ними. Вошла еще одна девушка, коснулась рукой прически и принялась изучать свои ногти. Она бросила на стройных блондинов мимолетный взгляд и вновь опустила голову, в восхищении разглядывая ногти на растопыренных пальцах, словно это были цветы.

Один из молодых людей улыбнулся, взглядом приглашая товарищей за собой, но никто не откликнулся на его зов. Луч аэропортового маяка то появлялся, то исчезал в окне. Девушки отошли от зеркала, снова посмотрели на летчиков и остановились, держа руки за спиной. Казалось, все чего-то ждут.

Первый молодой человек все же отважился сделать шаг в сторону стюардесс, но другой наступил ему на ногу, и тот остановился, пожав плечами и сложив руки на груди. Тишину вдруг нарушил рев взлетевшего реактивного самолета. Все, словно этого и ждали, с улыбкой обернулись друг к другу, глядя вверх и прислушиваясь.

Рев моторов был не слишком громок: я услышал, как позади растворилась дверь; полоска света скользнула по стене ложи и исчезла.

Сквозь большое окно видны были мигающие хвостовые огни воздушного лайнера; монотонно завывали реактивные двигатели. Летчики стояли сосредоточенные, а стюардессы сделали несколько деликатных шажков к двери, не отворачиваясь, однако, от молодых людей.

Я знал, что кто-то вошел в ложу и стоит позади меня, но не обернулся.

Летчики вышли на середину сцены, и одна из девушек протянула к ним руки и нетерпеливо воскликнула: “Кто собирается в полеты?”

Один из молодых людей ответил: “Я!”

Зазвучала музыка, и его друзья подхватили хором:

“Все мы! Все мы, пилоты!”

“Кто летит в просторы неба, в воздух голубой?” – запели девушки.

Человек, вошедший в ложу, сел в кресло и искоса разглядывал меня. Свет со сцены освещал одну сторону его лица.

– Виндзор, – представился он. – Извините, что помешал вам...

– Не имеет значения, – ответил я. – Помеха не велика. Пресса зря расхвалила представление.

Я пошел в театр, потому что завтра возвращался домой, и мне хотелось увезти с собой воспоминание, пусть очень тривиальное, о новой либеральной Германии, о которой так много разглагольствуют. Как считалось, “Новый театр комедии” являлся “средоточием молодой жизнерадостности” (“Зюддойче цайтунг”), где “новое поколение экспериментировало в области новой музыки, которую раньше не приходилось слышать” (“Дёр Шпигель”).

– Сожалею, что вам пришлось разочароваться в последний вечер пребывания в Берлине, – прошептал мой сосед. Он глянул вниз на сцену и бесшумно отодвинул кресло. – Может быть, мне удастся развлечь вас беседой?

На мгновение я подумал, что он собирается уйти, но ошибся. Кресло теперь стояло так, что лицо незнакомца оказалось в тени.

– Не соблаговолите ли вы придвинуть ваше кресло поближе, мистер Квиллер, чтобы мы могли побеседовать, не напрягая голоса, – мягко произнес он, наклонясь ко мне. И добавил: – Меня зовут Поль.

Я не двинулся с места.

– Кроме вашего имени, герр Поль, я ничего не знаю о вас. По-видимому, вы ошиблись. Я заказал ложу номер семь для себя. Ваша, наверное, номер один. Иногда путают эти цифры.

Девушки и юноши кружились по сцене, взмахивали руками, словно крыльями, наклоняясь в разные стороны, – все это должно было изображать, по словам прессы, “воздушный балет сложного рисунка, чарующий взор”. Огни на сцене померкли, у танцоров в руках появились маленькие электрические лампочки, которые то приближались, то удалялись друг от друга. Я почувствовал скорбь. Даже новое поколение не могло обойтись без того, чтобы не исполнить танец, напоминавший, пусть и помимо их воли, воздушный бой.

– Я пришел сюда потому, что здесь удобно побеседовать. Лучше, чем в кафе или в вашем отеле. Я пришел, никем не замеченный, и, если вы согласитесь отодвинуть ваше кресло назад, нас никто не увидит при таком освещении, – тихо произнес Поль.

– Вы принимаете меня за кого-то другого. Не вынуждайте меня пригласить капельдинера, – ответил я.

– Ваше отношение ко мне понятно, так что я не в претензии, – сказал он.

Я придвинул свое кресло к нему.

– Слушаю.

“Виндзор” было секретным словом, произносимым при вступлении в контакт. Особая группа “С” действовала с первого числа этого месяца, дав нам для пароля четыре слова: “Виндзор”, “соблаговолите”, “пригласить” и “претензия”. Я мог бы довериться ему уже по слову “соблаговолите”, так как он знал, что меня зовут Квиллер, знал номер моей ложи и что это был мой последний вечер в Берлине, но я бросил ему “пригласить” в надежде, что он не пришел на связь, а просто по ошибке попал в чужую ложу и слово “соблаговолите” произнес случайно. Однако в ответ я услышал слово “претензия”. Я не желал больше никаких контактов, никаких заданий. Мне осточертело шестимесячное пребывание в Германии, и я мечтал об Англии, как никогда в жизни.

К сожалению, я ошибся. Он пришел на связь.

Не слишком вежливо я попросил его объяснить, каким образом он узнал, где я нахожусь.

– Я следовал за вами, – ответил он.

– Чушь, – отрезал я (я всегда знаю, когда за мной следят).

– Правильно, – согласился он. Значит, это была проверка: он хотел узнать, замечаю ли я, умею ли замечать слежку за собой.

– Нам стало известно, что вы зарезервировали эту ложу, – сказал он.

Я заказал ложу по телефону, именно ложу, не желая сидеть с кем-нибудь рядом. Ложу я заказал на имя Шульца, так что если бы он даже просмотрел весь список зарезервированных лож, то не обнаружил бы моей фамилии. Следовательно, оставалось только одно.

Мы расставили друг другу несколько быстрых ловушек.

– Значит, вы обратились в театральную кассу, – сказал я.

– Да.

– Не проходит. Я воспользовался чужой фамилией.

– Мы это знали.

– Подключились к моему телефону?

– Правильно, – кивнул он.

Мне не нравилось это слово. Он уже воспользовался им дважды: оно было из лексикона учителя. Уж не думает ли он, что я новичок, только что окончивший курс в учебном центре?

Сложный аэробалет на сцене кончился, зажглись огни. Раздался гром аплодисментов.

– Мне не хочется лезть в петлю из-за незнакомого связного, – сказал я. – К тому же после выполнения задания. Кроме того, я не люблю, чтобы мой телефон прослушивался. Как долго это тянулось?

– А как вы сами считаете? – вкрадчиво спросил он.

Свет в зале казался особенно ярким после мрака, и я как следует разглядел его. Карие глаза за очками в роговой оправе с простыми стеклами, которые не увеличивали и не уменьшали ни на йоту, но делали свое дело, превращая его лицо в заурядное лицо школьного учителя. Каштановые волосы. Ничего, на чем можно было бы задержать взгляд. Если бы я захотел запомнить этого человека, то должен был бы увидеть его походку. Но в этом не было необходимости. Завтра я буду в Англии, поэтому черт с ним!

– Мой телефон давно не прослушивался, иначе бы я услышал щелканье в трубке, – тихо произнес я, так как аплодисменты прекратились.

Он заговорил, приложив руку ко рту, чтобы направить звук голоса только в мою сторону:

– Я вылетел из Лондона сегодня утром с приказом тайно связаться с вами. Мне не было разрешено встретиться с вами в отеле или в другом людном месте, так что у нашей разведки возникла тяжелая задача. Ваш телефон начали прослушивать незадолго до полудня в надежде узнать, как вы намерены провести день, и обеспечить мне связь с вами. Мне повезло, вы заказали ложу в театре.

– Влип, как последний болван.

Мне доставляло удовольствие видеть огорченное выражение его лица. Я действовал, как бунтарь, как ученик, которого завтра выпускают из школы и поэтому сегодня он может говорить дерзости кому угодно. Что ж, на его несчастье, Поль попался мне под горячую руку. К тому же он был мне незнаком, может быть, даже являлся какой-нибудь шишкой в Центре, но здесь он был инкогнито, а коли так, то я могу дерзить, пока он не назовет себя. В конечном итоге, представление оказалось не таким уж плохим.

– Дело чрезвычайной срочности, – сказал он. Это уже был серьезный сигнал. Слова “чрезвычайная срочность” являлись условными, покрывающими все остальные – от “совершенно секретно” и “действовать немедленно” до “очередность «А»”. Ну и пусть...

– Ищите кого-нибудь другого, – отрезал я. – Я возвращаюсь домой.

Я почувствовал себя лучше. Условная фраза была не шуткой, а я позволил себе шутить.

– КЛД убит вчера ночью, – донеслось до моего слуха. Словно меня ударили в челюсть... Я мгновенно покрылся потом. Годы тренировки научили меня сохранять глаза, рот и руки неподвижными, поэтому когда эти слова дошли до моего сознания, то тело, послушное воле, хоть и преодолевая инстинктивную реакцию, должно было все же как-то реагировать. Итак, я сидел молча, спокойно смотрел на соседа и только чувствовал, как весь обливаюсь потом.

– Мы хотим, чтобы вы заняли его место, – сказал он.

2. Крючок

Я ответил, чтобы они не рассчитывали на меня.

Он сказал, что это не приказ, а просьба.

Вести беседу было трудно, так как музыка то и дело прерывалась, и даже тихо произнесенное слово могло при внезапной паузе вдруг раздаться на весь зал. Разговаривать стало легче во время антракта. Мы заперли двери ложи и уселись на ковер, не видные даже с галерки на противоположной стороне. Неясный гул голосов заглушал наши слова.

Одна мысль буравила мне голову, словно пуля: КЛД убит...

Я спросил Поля о подробностях, и он ответил: “Тело найдено в Грюневальдзее”. Вот, значит, где закончил свою жизнь Кеннет Линдсей Джоунс... Всех нас ждет какое-нибудь место смерти. Мы знаем, где родились, но не знаем, где умрем. Дома, в миле от перекрестка дорог или на другом конце света. Не знаем, случится ли это во сне, будем ли раздавлены колесами машины на грязном проселке или погибнем во время обвала в горах, но знаем, слишком хорошо знаем, что, в конце концов, это произойдет. Место для каждого из нас уготовано. А Грюневальдзее оказалось местом смерти КЛД.

За время моей работы в разведке мы потеряли пять человек, но КЛД считался неуязвимым.

– Выстрел с дальней дистанции: калибр 9,3 – как и в случае в Чарингтоном, – прибавил Поль.

Затем мы перестали говорить о КЛД, словно его никогда и не существовало. Поль принялся опутывать меня, и я не сопротивлялся, я уже начинал ненавидеть его тихий голос.

– Мы довольны тем, как вы провели розыски военных преступников. Правда, нам не было понятно, зачем вы так законспирировались, ведь мы действуем в рамках Лондонского соглашения, однако вы этого захотели. Что ж, дело ваше. Нам сообщили, что даже глава комиссии “Зет” не знал, кто стоял за всеми арестами. Мы признаем, что ваш метод следует ввести в практику.

Он сделал паузу, ожидая благодарности с моей стороны, но я молчал и наслаждался своим молчанием.

– Французская разведка уже три недели настаивает перед Центром на расширении работы в Берлине. В настоящее время никто не информирован в отношении берлинских групп бывших нацистов и неонацистов больше, чем вы. Это представляет для нас огромную ценность. Так же, как и вы сами...

Он вновь умолк, словно ожидая, что я помогу ему продолжить разговор, и я попался на удочку, не заметив опасности, пока не стало слишком поздно. Отказываясь поддержать беседу, я тем самым давал ему возможность вести монолог. Его вкрадчивый голос оказывал на меня гипнотическое воздействие.

– Из пятнадцати арестованных военных преступников, которых вы выявили, пятеро, как вам известно, занимали важнейшие посты, и мы думаем, что недавние самоубийства генералов Фоглера, Мюнтца и барона фон Таубе явились скорее результатом давления со стороны их встревоженных единомышленников, нежели угрызений совести.

Он заговорил о трех свидетелях обвинения, найденных убитыми с обезображенными до неузнаваемости лицами.

– Их уничтожили не для того, чтобы уменьшить число свидетелей на процессах в Ганновере: в случае необходимости, как вам известно, свидетелей найдутся тысячи; к тому же у нас имеется столько доказательств и улик, что, уничтожь хоть девяносто процентов свидетелей, все равно будет вынесен обвинительный приговор. Эти трое были убиты в порядке репрессий, и мы думаем, что за ними последуют еще двенадцать, если только полиции не удастся защи-

тить их. В общем итоге пятнадцать человек – по одному за каждого осужденного военного преступника. Этими убийствами они, по-видимому, хотят запугать других свидетелей, которые могли бы выступить на предстоящих процессах в Бонне и Нюрнберге. Они рассчитывают, что их террористическая тактика сделает ганноверские процессы последними...

Он принялся рассказывать о семидесяти тысячах нацистов, бежавших в Аргентину и проживающих в германской колонии, в городе Сан-Катарине, среди которых находится и Борман, заместитель Гитлера.

– Но Цоссен находится здесь, в Берлине.

Он умолк. И вот почему: он знал, что поймал меня на крючок.

– Гейнрих Цоссен? – спросил я.

– Да.

Худощавый человек. Бледное лицо. Мешки под глазами, отвислая губа. Покатые плечи, как у его фюрера. Маленькие глазки, голубые, как льдинки. Голос – словно свирель на зимнем ветру.

В последний раз я видел его двадцать один год назад, августовским утром, когда три сотни людей были выстроены вдоль рва, который их самих заставили выкопать в жирной земле Брюкнервальдского леса. Птицы перестали петь, когда подъехала штабная машина СС и из нее вышел обергруппенфюрер Гейнрих Цоссен. Я видел, как он прошел позади строя голых людей, словно инспектируя их. Затем повернулся и зашагал назад, а я все смотрел на него. Он был довольно молод для своего чина и кичился своей формой. Он не был душегубом. Душегуб на его месте взял бы плеть из рук охранника и, чтобы повеселить нижние чины, пустил бы кровь даже из этих обескровленных тел; брезгливо вздернул бы нос, вспомнив о том, что этих людей привезли ночью за сто тридцать миль в крытых фургонах для скота, по восемьдесят человек в каждом; выхватил бы револьвер и первую пулю пустил бы сам, чтобы начать забаву. Нет, ничего этого Цоссен не сделал. Офицер, он считал это ниже своего достоинства.

Он сделал нечто худшее, и я видел все.

Охранник что-то крикнул, когда один из трехсот вышел из строя и направился к обергруппенфюреру. Его не пристрелили на месте потому, что Цоссен поднял руку в перчатке, заинтересованный, что хочет от него этот голый человек. Когда-то ростом тот был выше Цоссена; еще и сейчас, хотя кости выпирали из кожи, он был широк в плечах. Эта партия узников долгие месяцы питалась одними корками и затхлой водой. Много времени прошло с тех пор, как они ели то, что можно назвать пищей...

Узник, пошатываясь, приблизился к арийцу и остановился, едва держась на ногах. От усилий, которые он проделал, чтобы преодолеть десять метров, дыхание со свистом вырывалось у него изо рта и ребра ходили под кожей, свисавшей дряблыми складками. Я слышал, как он спросил у Цоссена разрешения прочитать заупокойную молитву. Обергруппенфюрер не сбил его наземь ударом кулака за дерзость, как я ожидал. Он был офицером. Он только взглянул на часы, на мгновение задумался и покачал головой: «Некогда. Дорога очень плохая, а я хочу поспеть в Брюкнервальд к обеду». Он подал знак штурмбаннфюреру, и пулеметы открыли огонь...

Гейнрих Цоссен. Я запомнил его.

Из простого чувства чистоплотности следовало бы оставить эти воспоминания при себе, но в 1945 году в качестве главного свидетеля обвинения в трибунале я был вынужден подробно изложить этот эпизод в числе многих других. Остальные были не лучше... Впоследствии отмечалось, что за все время моих показаний, тянувшихся в общей сложности пятнадцать недель, я держался внешне спокойно, был объективен и лишь однажды потерял контроль над собой, рассказывая о Гейнрихе Цоссене. Даже теперь, двадцать один год спустя, в Берлине, я был не в состоянии, придя в ресторан, открыть меню, в котором было это слово – «Mittagessen» – обед.

Поль молчал, понимая, что пошел с козырного туза. Цоссен находился в Берлине.

– Что ж, надеюсь, вы его схватите, – сказал я наконец.

Поль продолжал молчать, ведя свою игру.

– Но думаю, что вы ошибаетесь. По слухам, он находится в Аргентине.

Теперь мы заговорили оба, и я знал: он понимает, что выиграл.

– Его видели в Берлине неделю назад.

– Кто?

– Свидетель на процессе.

– Я могу поговорить с ним?

– Он “упал” с десятого этажа на следующий день после того, как сообщил нам об этом.

– Олбрихт?

– Да.

– Он мог ошибиться.

– Он хорошо знал Цоссена. Вам это известно.

– Значит, таково мое задание? Цоссен?

– Это лишь часть задания.

– Итак, вы предлагаете мне взяться за это...

– Да.

– ...зная, что я хотел бы видеть его на скамье подсудимых. Не выйдет. Теперь их больше не вешают, – неожиданно для себя сказал я, хотя верил, что Поль говорил правду. – Однако, сообщите мне все сведения и не задавайте больше вопросов.

Он одобрительно молчал.

– Я измотался, понятно?

– Конечно. После шести месяцев...

– Не разговаривайте со мной так, словно вы сестра милосердия!..

Он вновь замолчал. Гул голосов под сводчатым потолком стал громче – зрители из фойе устремились в зал.

– Ладно, Поль, не тяните. Приканчивайте меня.

– Тысячи нацистов все еще проживают в Германии по фальшивым документам. Американское бюро генерала Гелена исподволь освободило сотни офицеров СС и вермахта, когда генерал Хойзингер продиктовал свои условия штабу НАТО, и с тех пор они реорганизовали германскую армию, которая является сейчас, пожалуй, самой многочисленной и хорошо вооруженной армией в Европе. Германская авиация по своей мощи в настоящее время превосходит британские воздушные силы. Германский генеральный штаб ведет секретные, направленные против НАТО, переговоры с Испанией, Португалией и африканскими странами; им созданы базы ракет типа “земля – земля”. Множество гитлеровских офицеров вернулись к власти и пользуются влиянием, заняв ключевые позиции как в гражданской, так и в военной сферах. Они получили свои нынешние посты несмотря на то, что их прошлая деятельность хорошо известна. В самом генеральном штабе активизируются реваншисты. Это убежденные нацисты, готовые на все, когда наступит подходящий момент. Если...

– Вам сообщили все эти подробности в Центре? – перебил я.

– Я не начальство, а такой же исполнитель, как и вы.

– Если я возьмусь – пока что еще не решил – за это задание, то не раньше, чем смогу убедиться в справедливости вашей аргументации. На это потребуется не один день. Я лично считаю, что Германский генштаб способен развязать войну с тем же успехом, что и ку-клукс-клан.

– Позвольте мне напомнить вам сказанные обвинителем от Соединенных Штатов на Нюрнбергском процессе слова: “Германский милитаризм будет хвататься за любую возможность, которая поможет ему восстановить силы для развязывания новой войны”.

– Нельзя начать войну без народа.

– Народ никогда не начинает войн. Войны всегда затевают политики и генералы. Десять лет назад – и всего лишь десять лет назад после окончания кровопролития – в честь Кессельринга был созван слет бывших фашистских солдат. Народ протестовал, но полиция разогнала демонстрантов.

– Народ все еще протестует, об этом свидетельствуют хотя бы процессы.

– Но теперь проведение процессов становится все более затруднительным. Военных преступников, признанных виновными, больше не вешают, зато свидетелей обвинения убивают. Времена меняются.

Я сидел, закрыв глаза. Огни в зале погасли. Поль молчал. Он хорошо понимал, что, когда желаешь убедить кого-либо, нужно делать паузы и давать собеседнику время на размышление.

– Все это политика, – неуверенно произнес я. – Оставьте ее себе.

Он не ответил.

– Я не утверждаю, Поль, что держу палец на пульсе истории или знаю, какое будущее ожидает человечество. Просто я чертовски устал. Вы ошиблись ложей, как я уже говорил...

Поль шевельнулся, и я открыл глаза. Откуда-то он достал небольшую папку из искусственной кожи. По-видимому, он прятал ее под пиджаком. Иначе я бы уже заметил ее. Он положил папку мне на колени.

– Это вам.

Я не прикоснулся к папке.

– Будь проклято ваше появление, Поль.

– Мы выделили человека, который будет прикрывать вас, – мягко произнес он.

– Мне не нужно прикрытие.

– А что будет, если вы окажетесь в тяжелом положении?

– Я сам из него выберусь.

– Знаете ли вы, какой вас ждет риск, Квиллер?

– А у КЛД было прикрытие?

– Да, но очень трудно уберечь человека от выстрела с дальней дистанции.

– Они разделяются со мной таким же способом, если уж до этого дойдет. Никакого прикрытия, Поль. И не вздумайте прикреплять ко мне людей без моего ведома. Я предпочитаю действовать в одиночку.

Запульсировала вена на ноге, предвестник судороги. Я шевельнулся, и папка скользнула на пол. Я оставил ее там, где она упала.

Заиграла музыка.

– Можете положиться на двух людей, – произнес Поль.

– Никаких людей!

– Один – американец, Фрэнк Брэнд; другой – молодой немец, Ланц Хенгель. Они...

– Пусть они оставят меня в покое.

– У вас есть связной...

– И связной мне не нужен.

– Ваш связной – я.

– Тогда и вы держитесь от меня подальше! Если уж я возьмусь за это, то только на своих условиях.

Они не должны были посылать этого Поля, ловить меня на крючок. Ублюдки... Чарингтон мертв – давай другого! Интересно, кого они найдут после меня? Шесть тяжелых месяцев – и теперь опять! И только потому, что я оказался под рукой, а в их распоряжении был крючок с наживкой. “Существует только один способ убедить его, – так, наверное, говорили они, стоя вокруг письменного стола в просторном лондонском кабинете, где пахло свежим лаком, – и этот способ – сказать ему, что Цоссен в Берлине”. И они задымили сигарами и послали за Полем.

Мне было безразлично, соответствовал ли истине монолог относительно возрождающегося фашизма или нет. Услышав про Цоссена, я не нуждался ни в каких других приманках. Поль зря тратил время.

Начиналась судорога, и я прополз на четвереньках обратно в ложу и сел в кресло, будто только что вернулся после антракта. Поль сделал то же самое и аккуратно обтер руки о колени. Я сидел с закрытыми глазами, размышляя.

Я понимал, что сам во всем виноват. Много лет я действовал сугубо конспиративно, как был обучен, поэтому, когда меня направили сотрудничать с федеральной комиссией “Зет” для выявления военных преступников и предания их суду Ганноверского трибунала, я не видел надобности вылезать на свет божий. Иначе мое лицо за эти полгода стало бы известно всем, в том числе и людям, вооруженным винтовками с телескопическим прицелом.

Однако это могло бы и не заботить меня, так как я ездил из Ганновера в Берлин и обратно с охраной в шесть человек, словно какой-нибудь премьер-министр. Но именно мои настояния на соблюдении конспирации и привели к тому, что я сам попался на крючок. После шести месяцев я знал Берлин как свои пять пальцев, как собственную физиономию, хотя сам не был известен в Берлине никому.

Не удивительно, что они остановили свой выбор на мне.

Некоторое время Поль, должно быть, думал, что я откажусь. Затем, поняв, что все в порядке, положил папку мне на колени. В ней, очевидно, содержалась информация, которую они могли мне предоставить: имена и фамилии, досье, разработки, указания – все, собранное в архиве Центра, полный и исчерпывающий анализ предстоящего поля действия. Но они обратились ко мне еще и по другой причине – потому что я знал больше их.

– Поль, – позвал я.

Он сидел, сложив руки на коленях, и смотрел на сцену. Он наклонился ко мне.

– Дайте указание, чтобы мой телефон не прослушивался больше. Если я услышу в трубке пощелкивание, я хочу быть уверенным, что это включилась противная сторона.

– Хорошо.

– И никакого прикрытия.

– Ладно.

– Связь как обычно – почта и биржевые бюллетени.

– Приемлемо.

Сцена начала заполняться действующими лицами, и музыка зазвучала громче. Я попросил у Поля его фотографию, и он протянул ее мне. Молния на папке открывалась бесшумно. Внутри находилась другая папка, черная, поменьше.

Это был меморандум. Между отпечатанными на машинке строками было начертано мое будущее, мой дальнейший образ жизни. Там ничего не говорилось о том, каким образом я могу умереть. Это был документ исключительно частного порядка...

Я сунул фотографию в папку и задернул молнию.

3. Снег

Снегопад прекратился. Укатанный колесами автомобилей, снег ледяным покровом сковывал мостовые. Автомобили двигались медленно и бесшумно. На Курфюрстенштрассе возле поваленной дорожной тумбы стояла разбитая машина. Несколько человек прицепляли ее к грузовику, чтобы отбуксировать. Ржавая вода текла из радиатора.

Над крышами домов нависло черное небо, и звезды казались небывало близкими. В такую ночь легко представить, что земля тоже является звездой, несущейся в безвоздушном мраке. Даже меховой воротник не защищал от этой мысли.

Я вышел из ложи за минуту до Поля. Спускаясь в толпе по главной лестнице, он уже не видел меня. Я стоял, прислонившись к стене, разглядывая его в зеркале над лестницей и сравнивая с фотографией. Проходя мимо театральной кассы, я попросил конверт, на улице сунул в него фотографию, надписал “Евросаунд” и без марки опустил в почтовый ящик на углу.

В хорошую погоду дорога до моего отеля заняла бы минут пятнадцать. Сегодня на это ушло полчаса. Ледяная корка похрустывала под ногами. Только четверо из моих стражей находились в поле моего зрения; держась в отдалении, они сопровождали меня от самого театра. Они хорошо несли службу, но, по существу, были бесполезны. Вся система такой охраны бесполезна. Предполагалось, например, что в театре я буду в безопасности, но ведь вместо Поля мог явиться и кто-нибудь из врагов, без особого труда пырнуть меня ножом, и ни один человек даже не заметил бы этого.

На Бюловштрассе были вывешены последние объявления. Заметив фамилию Петерса, я купил вечерние газеты. Эвальд Петерс являлся начальником личной охраны канцлера Эрхарда. Всего лишь месяц назад он ездил в Лондон для обеспечения безопасности канцлера на тот случай, если кому-нибудь вздумается швырнуть в канцлера гнилым помидором, когда тот приедет с официальным визитом в Англию. Сегодня его арестовали по обвинению в массовых уничтожениях евреев. Он являлся старшим офицером криминальной полиции ФРГ, ответственным за охрану канцлера, президента республики и государственных деятелей других стран, посещавших Бонн. Что знал о нем Эрхард? По-видимому, ничего. Недавно на партийном съезде вопреки определенному давлению он настоял на продолжении судов над бывшими военными преступниками и отверг настояния об амнистии, в результате которой многие нацисты были бы освобождены из тюрем. Если бы у него были подозрения в отношении своего главного телохранителя, он немедленно расстался бы с ним.

Петерс был арестован по настоянию комиссии “Зет”. Я уважал ее сотрудников за хватку. Внутри этой комиссии уже давно шли волнения. Ее задача состояла в том, чтобы выкорчевывать остатки нацистов, а среди руководства и во всех звеньях комиссии находились бывшие нацисты, поэтому с каждым новым арестом лояльные сотрудники все больше и больше рисковали своим служебным положением. Весьма странная организация.

Вчера арестовали Ганса Крюгера, западногерманского министра по делам беженцев. Обвинение: он был судьей особого военного нацистского трибунала в оккупированной Польше. Через несколько дней в газетах появится новое имя – полиция связывает сейчас концы порванной нити – Франц Ром, руководитель отдела регулирования дорожного движения. Я потратил три недели, пока отыскал его. Мне это доставило особое удовольствие; некоторые из тех, кого я разоблачил, кончали с собой, и я знал, что Ром был готов теперь в любой день сам сунуть голову в петлю. Я не сторонник высшей меры наказания (она была отменена в Западной Германии в 1949 году, и ладно), но эти люди сеяли вокруг себя заразу, и пусть лучше они повесятся, чем живут и заражают других.

Снег поскрипывал под ногами.

Я свернул в Крейцберггартен и прошел мимо замерзшего фонтана, похожего на глазированный торт. Сделав десяток шагов, я заметил среди кустарника чью-то тень и отпрянул в сторону. Когда человек прошел мимо меня, я вышел на свет и обратился к нему по-немецки:

– Известите местную резидентуру. Я встретился с Полем. По буквам: П-О-Л-Ь. Пусть незамедлительно отзовут охрану. Связь осуществлять по известным каналам.

– Чтобы оставить пост, я должен получить указание.

– Чем скорее, тем лучше, – сказал я. – Пусть другие остаются, вы же отправляйтесь за указанием, а затем снимите и их. Я желаю иметь чистое поле деятельности сегодня с полуночи.

Я зашагал дальше. Ближе к отелю по Шонерлинденштрассе тротуар был очищен от снега. С Темпльгофского аэродрома, который находился в миле отсюда, донесся шум взлетающего самолета, и я обернулся – посмотреть на его огни.

Утром мне предстояло вернуть билет на самолет Люфтганзы, вылетающий рейсом 174, потому что между строк трижды проклятого меморандума было сказано, что я должен остаться.

Хелдорф... Сикерт... Кальт... Наумен... Кильман...

Больше сорока фамилий, перечисленных на одном из листков меморандума, каждая из которых, возможно, имела связь с Гейнрихом Цоссеном, в течение получаса засели у меня в памяти, а сам листок был присоединен к другим, подлежащим сожжению. Моя привычка – путешествовать налегке: к утру весь меморандум был кремирован.

До сих пор я вылавливал мелкую рыбешку. За крупной добычей направляли КЛД, но его уже нет в живых. Крупной добычей считались такие люди, как Борман, заместитель Гитлера; Мюллер, генерал фон Риттмайстер. Они убежали из Берлина под огнем русских батарей в 1945 году, целая шайка их бежала в Оберзальцерг и дальше, в то время как узкоплечий труп их фюрера, завернутый в ковер, был облит бензином и сожжен. Некоторые бежали в четырехмоторном самолете Гимmlера из Флаугхафена, находящегося в миле отсюда, взмыв в предрасветное небо, темное от дыма пожарищ. Из окна своего нынешнего номера в отеле я мог бы видеть огни самолета с беглецами.

Я подошел к окну. Тихая ночь, спящий город. Настоящее и прошлое было укутано снегом. Что заставляет нас рыться в пепле далекого ада, отстоящего от нас на двадцать с лишним лет?

“Есть ли у нас время, чтобы помолиться?” – спрашивали те люди. А Цоссен качал головой.

От моего дыхания оконное стекло запотело. В комнате было слишком жарко, я выключил отопление и поработал еще около часа. Когда половина меморандума запечатлелась в моей памяти, я вышел на улицу и погулял по морозному воздуху, чтобы перед сном очистить легкие. Улицы были пустынные.

Хотя я еще не решил, согласиться мне заменить КЛД или нет, но план действия уже предстал передо мной точно так же, как в голове у шахматиста возникает весь ход предстоящей партии еще до того, как он начал разыгрывать гамбит. Я сказал Полю: “Я буду действовать в одиночку”, – потому что эту операцию следовало провести или быстро, или никогда. Это своего рода блицкриг. Я мог оставаться в этом городе месяц, не больше. В течение месяца я должен разыскать Цоссена или выйти из игры.

Для этого существовало два пути: медленный и быстрый. Медленный состоял в том, чтобы вспугнуть всех этих людей одного за другим – Хелдорфа, Сикерта, Кальта, все сорок с лишним человек, в надежде, что они приведут меня к Цоссену. Поль ошибался, сказав, что Цоссен – лишь часть задания. Даже беглое чтение меморандума подсказало мне, что Цоссен являлся всем заданием. Сбей его с ног – и повалятся все остальные. Разработка всех сорока с лишним человек, возможно связанных с Цоссеном, прояснила бы очень многое и помогла

добраться до него. Именно этого и желал Центр. Но это был медленный путь. Быстрый путь привел бы к тем же самым результатам. Поэтому иди прямо к Цоссену и бей.

Быстрый путь заключался в том, чтобы перевернуть вверх тормашками весь порядок вещей. Ради того, чтобы найти одного человека среди почти четырех миллионов, я должен был заставить его искать меня. Пусть он узнает, что я здесь, и не для чего-нибудь иного, а именно для того, чтобы он раскрылся. А затем попытаться покончить с ним до того, как он успеет покончить со мной. Кто быстрее. Поэтому я и заявил Полю, что должен работать в одиночку. Единственно возможный для меня путь был быстрый, и я не желал, чтобы у меня под ногами путались охранники, которые будут только мешать мне и к тому же еще могут быть убиты.

Снег поблескивал под светом фонарей. Пока я работал над меморандумом, прошел еще небольшой снегопад, и тротуары вновь покрылись снегом. Было уже далеко за полночь, на улицах ни души. После шести месяцев, в течение которых меня прикрывали мои люди, сейчас я был одинок: мое сообщение уже получили и отозвали охрану.

Когда я возвращался в отель, единственные следы на снегу были мои.

4. Стена

– Ваше занятие, герр Штроблинг?

– Торговец цветами.

Небрежно закинув ногу на ногу, он не спеша высморкался, чтобы мы успели полюбоваться его белым шелковым носовым платком. В петлице темного пиджака – цветок. Брюки в полоску. Сверкающие ботинки.

– Вы торгуете цветами?

– Я владею несколькими цветочными магазинами.

– Поэтому вы и носите цветок в петлице?

– Я всегда ношу цветок.

Кто-то захихикал.

Унылый свет проникал через высокие холодные окна. Отопление было включено на полную мощность, но все же многие в зале кутались в пальто, словно их знобило.

Я особенно внимательно разглядывал людей в зале. Подсудимые и без того были мне хорошо знакомы. Я не знал, кто были зрители. Здесь присутствовали жены обвиняемых, явившиеся в суд вместе с мужьями, так как большинство подсудимых были выпущены на поруки и после окончания судебного процесса могли спокойно отправляться по домам. На балконе сидели люди, пришедшие одни, которые так же в одиночестве и уйдут отсюда. Сгорбившись в своих пальто, они не оглядывались по сторонам. Было тут и несколько женщин. Одна девушка пришла с опозданием, и я обратил на нее внимание. У нее была привлекательная внешность, но я заметил ее не из-за этого.

– Пристав!

Какой-то человек пытался выйти из зала, и по возгласу судьи служитель остановил его у двери.

– Куда вы идете, адвокат?

– Я жду посыльного, господин судья.

– Покидать зал заседаний не разрешено. Я уже предупреждал вас.

– Но ожидаемое сообщение имеет отношение к моему клиенту...

– Займите свое место.

Утомлённые голоса, давно избитые формулы. Подобная тактика, имевшая целью помешать суду, была известна: защитник пытался покинуть зал, желая получить возможность апеллировать к суду, – его подзащитный, мол, формально не присутствовал на судебном заседании, так как в это время в зале не было его адвоката.

Не менее часты были и процессуальные протесты. Желтые газеты ополчились против этого процесса и вообще против всех процессов над военными преступниками, в то время как в зале суда при каждом удобном случае совершались попытки превратить судебное разбирательство в фарс. Председательствующий обладал удивительным терпением, благодаря которому держал в рамках как адвокатов, так и присяжных заседателей...

Я наблюдал за присутствующими в зале, вполуха слушая допрос обвиняемых.

– Не будете ли вы так любезны сообщить нам, каковы были ваши обязанности в лагере, герр Штроблинг?

Подсудимый внимательно выслушал вопрос. Аккуратно одетый, седовласый, со спокойными глазами за тяжелыми очками в черной роговой оправе – его можно было принять за пользующегося заслуженной известностью врача и доверить ему свою жизнь.

– Поддерживать спокойствие, порядок и, конечно, чистоту.

– А специальные обязанности?

– У меня не было специальных обязанностей.

– Свидетели показывают, что вам вменялось в обязанность отбирать для газовых камер мужчин, женщин и детей, привозимых в лагерь в автофургонах для скота.

Это произнес обвинитель, молодой человек, исхудавший от долгих месяцев ознакомления с материалами дела, каждая страница которого повествовала о невообразимом.

– Один из очевидцев утверждает, что вы отняли костыли у калеки и избили его до полу-смерти за то, что он не мог быстро пройти в газовую камеру.

– Я ничего не знаю об этом.

– Вы не смеее утверждать, будто ничего не знаете. Вы можете сказать, делали вы это или не делали. Забыть вы не можете.

Что за цветок, камелия или гортензия, был у него в петлице? Со своего места я не мог разглядеть.

– Это было двадцать лет назад.

– Это было двадцать лет назад и для свидетеля, однако он помнит.

Я смотрел на присутствующих в зале. Среди них возник ропот.

– Вы хотите сказать, что эти люди добровольно шли на смерть?

– Да, мы говорили, что их ведут в дезинфекционные камеры.

– И они оставляли свою одежду в раздевалке и мирно следовали в газовые камеры?

– Да, без всякого принуждения.

– Но свидетель показывает, что многие из них знали, куда их ведут. Женщины прятали своих детей в ворохе одежды в раздевалке в надежде спасти их. Свидетель показывает, что лично вы, герр Штроблинг, руководили поисками этих младенцев, и когда находили, то насаживали их на штык.

Здесь было слишком душно, слишком тягостно, чтобы лгать.

– Это были всего лишь евреи. Я же вам говорил.

Какой-то человек в фуражке с козырьком громко зарыдал и не мог успокоиться. Пристав вывел его. Заурядный случай.

Миловидная девушка проводила меня взглядом. Лицо у нее было белое, как мел.

Гул голосов.

– ...Но я был облечен полной и законной властью, абсолютной властью обращаться с этими заключенными так, как я считаю правильным!

– И вы сочли правильным подвергать мукам десятилетнего мальчика ради того, чтобы развлечь ваших друзей?

– Исключительно в порядке обучения. Но это не были мои друзья, это были мои подчиненные, большинство только что закончило военно-учебные заведения! Их волю следовало закалять, и у меня были ясные указания на этот счет.

Запричитала женщина, раскачиваясь из стороны в сторону, запричитала с яростью, скрипя зубами, вперив взгляд в обвиняемого. По знаку судьи ее тоже вывели из зала. Ни разу за шесть месяцев я не видел, чтобы женщины рыдали. Только мужчины. Женщины причитали или кричали от ярости.

– ...Таков был приказ штандартенфюрера Гетце!

– Его нет здесь, чтобы подтвердить ваши слова.

Да, его здесь нет. Он все еще в Аргентине, несмотря на то, что министерство юстиции Бонна просило о его выдаче. Он тоже запечатлелся в моей памяти в числе сорока других из сожженного меморандума. Гетце...

– И все то время, что вы исполняли эти “административные обязанности”, герр Штроблинг, вы, как утверждаете, не знали ни одного случая смерти среди заключенных?

На этот раз обвиняемый нервно прикусил ноготь на большом пальце.

– Я знал лишь несколько таких случаев.

– Всего несколько случаев? Из трех с половиной миллионов людей, уничтоженных только в этом лагере, вы знали всего о нескольких случаях?!

Молодой прокурор снова начал пить воду. Графин, стоявший перед ним, уже трижды наполняли. Он пил большими глотками, тяжело переводя дыхание, словно только что совершил дальний пробег. Все время, что он пил, он не отводил взгляда от обвиняемого.

Я смотрел в зал, но среди присутствующих не было ни одного знакомого лица. Случалось, сюда приходили влекомые своими преступлениями люди, чтобы вспомнить свои деяния, слушая допросы свидетелей или глядя на демонстрируемые здесь же кинодокументы. Именно так мне удалось раскрыть пятерых...

Но сейчас я хотел отыскать только одного из всех живущих в этом городе. Цоссена. Из многих людей, запечатлевшихся в моей памяти, в обществе этого человека я видел не больше дюжины, и ни одного из них не было в этом зале.

Уже наступили сумерки, когда судебное разбирательство закончилось. Я ожидал у дверей, пока схлынет толпа. Люди покидали зал, будто пробудившись от кошмаров, привидевшихся под общим наркозом. Я знал, что трое из присяжных находились под постоянным наблюдением врачей, опасавшихся нервного припадка.

Девушка, на которую я обратил внимание, шла впереди меня. Сквозь широкие двери, распахнутые настежь, на покрытую снегом улицу падал яркий свет. Воздух имел привкус металла. Сунув руки в карманы, я шагнул за ней. Большинство людей шло в обратную сторону, к ближайшей станции железной дороги. В моем поле зрения осталось всего трое: мужчина, пытавшийся остановить такси; другой мужчина, направлявшийся к аптеке рядом со зданием суда, и девушка.

Напротив Нейесштадтхалле начинается узенькая улочка, образуя Т-образный перекресток с Виттенштрассе, по которой я шел. Фонари тускло освещали глухую стену, за которой находилось кладбище.

Они промахнулись.

Машина вылетела из боковой улицы и, сделав резкий поворот, процарапала задним крылом по стене так близко от меня, что осколки кирпича засыпали мне лицо. Я мгновенно откинулся назад и, упав, тут же откатился в сторону параллельно машине и ногами вперед на тот случай, если они рискнут стрелять. Но этого не произошло. Я услышал только удаляющийся вой мотора и странный вопль. Поднявшись, я увидел девушку, прижавшуюся к стене и дрожащую от страха.

– Вы не ранены? – спросил я по-немецки.

Я не разобрал ее слов: казалось, она тихо проклиняет кого-то. Она бросилась было за автомобилем, даже не услышав моего вопроса. Пальто ее не было испачкано снегом, она не падала. Глубокая царапина тянулась по стене, и кирпичная пыль и осколки окрасили снег под ней.

Сегодня из-за погоды машины продвигались по улицам с умеренной скоростью, но эта пронеслась, как вихрь, и, если бы ее не занесло на льду, она разможила бы меня об стену, протаскивая по ней, словно малярную кисть, окунутую в красную краску.

Такой маневр требовал точного расчета, но был куда проще, чем казалось. Я выполнял этот трюк с мешками, набитыми песком, так как во время обучения от нас требовали знания этой штуковины на тот случай, если мы сами когда-нибудь станем мишенями.

Делалось это следующим образом: насколько можно дальше от цели набрать скорость, затем выжать сцепление и при включенной малой передаче бесшумно двигаться вперед по инерции под углом к стене. В нескольких метрах от цели отпустить сцепление, повернуть руль и дать резко полный газ. При этом машину заносит так, что мишень оказывается между задним крылом и стеной. Затем отпустить ногу и давать деру.

Я пропорол четыре мешка из пяти. Но сейчас меня спасла не тренировка, а снег.

Наконец, девушка произнесла что-то членораздельное.

– Что? – не расслышав, спросил я.

– Они хотели убить меня, – выговорила она. У нее был явный берлинский акцент. Я подумал, что в нормальных условиях ее голос должен быть менее хриплым, чем сейчас.

– Вот как? – отозвался я.

Она шла быстро, почти бежала.

Когда я догнал ее, она резко обернулась и остановилась, будто собираясь защищаться насмерть. Прохожий подошел к нам и спросил:

– Может быть, вам помочь, фрейлейн?

Она, даже не взглянув на него, не сводила с меня глаз.

– Нет.

Человек скрылся. Она глядела на меня пристально, словно кошка.

– Я не из них, фрейлейн Виндзор.

– Кто вы?

– Не из них.

– Оставьте меня в покое. – Зрочки, все еще напуганные, расширились от ярости.

– Соболаговолите разрешить мне отвезти вас на такси?

Она не реагировала на “Виндзор”, но я упорствовал, так как от испуга она могла не обратить внимания на пароль.

– Я пойду пешком.

Мерзавцы явно охотились за мной, а она считала, что за ней; это могло означать, что она из наших, но вряд ли – она не ответила ни на первое, ни на второе условное слово. В комиссии “Зет” работало несколько женщин: возможно, что она одна из них.

Девушка попятилась от меня, сунув руки в карманы пальто, сшитого по военному образцу. Не желая, чтобы она ускользнула от меня, я произвел выстрел с дальним прицелом.

– Им повезло не больше, чем в прошлый раз, не так ли?

Она сразу остановилась, глаза ее сузились.

– Кто вы?

Мой номер удался. Они уже покушались на нее. В первый раз вы не всегда понимаете это, особенно если покушение похоже на несчастный случай, но во второй раз у вас появляются подозрения и страх. Именно в таком состоянии она сейчас находилась.

– Давайте зайдем куда-нибудь и прополощем горло от кирпичной пыли, – предложил я, сознательно произнося это не на лучшем своем немецком языке, в расчете, что английский акцент успокоит ее; люди в машине были нацистами, потому что они пытались убить меня; она тоже должна знать, что это нацисты, так как верила, что они хотели убить ее, а в Германии вряд ли найдется много нацистов с таким сильным английским акцентом, как мой.

– Как вас звать?

– Мое имя вам ничего не скажет... Вон там я вижу бар.

Не мигая, она долго разглядывала меня, потом сказала:

– Лучше пойдем туда, где безопаснее. Ко мне домой.

По дороге, как только раздавался шум автомобиля, она дважды прижималась к дверям магазинов, а я каждый раз продолжал шагать вперед, потому что, если они решили совершить еще одну попытку убить меня, я не хотел оказаться слишком близко к девушке и подвергать ее опасности. И всякий раз я оборачивался, следя за машиной, готовый в случае необходимости отпрыгнуть в сторону.

До ее квартиры было около мили, и, пока мы шли, я все время думал об одном: как им удалось так быстро распознать меня? Ответы были неудовлетворительными, все без исключения. Они могли зацепить меня из-за моих охранников, которые меньше заботились о том, чтобы оставаться незамеченными, чем о том, как бы не потерять из виду меня и всех тех, кто

со мной общался. Они могли даже знать, что я отменил свой отлет в Лондон, и решили, что раз так, – пусть себе остается, но только не живым. Они могли узнать также, что сегодня утром, вместо того, чтобы поехать, как обычно, в Ганновер, я пошел в Нейесштадтхалле, и задумались над тем, почему я вдруг стал посещать не свои обычные места. Я знал только одно: за мной не следили. Я всегда знаю, когда за мной следят.

Если в той машине не были просто случайные убийцы, то приказ о том, чтобы прикончить меня, отдан сверху. В таком случае мне незачем высовывать голову, чтобы привлечь на себя их огонь: они уже вели его. Не прошло и двадцати четырех часов с момента моего решения пуститься на охоту за Цоссеном, как Цоссен начал охотиться за мной.

5. “Феникс”

Не доверяя мне на улице, она готова была поверить мне в более опасной обстановке – у себя дома, – и я решил, что там она рассчитывала на какую-то защиту.

Так оно и оказалось. Войдя в комнату, я застыл на месте. Огромная овчарка стояла, низко опустив голову и пружиня задние ноги, готовая к прыжку. Она глухо рычала, устремив глаза на мое горло.

Я видел их в Бельзене и Дахау. Видел, как они загрызали людей.

Девушка не спеша сняла пальто, чтобы дать мне время обдумать собственное положение, хотя все было ясно и так. Если бы, даже невзначай, я поднял руку и хоть на дюйм протянул ее в сторону девушки, я бы мгновенно превратился в мертвеца. Поэтому я держал руки по швам, не сводя глаз с собаки. Я не выказывал страха, который мог бы спровоцировать пса, зная, что он не нападет на меня, если на то не последует команды хозяйки.

– Спокойно, Юрген, спокойно, – произнесла она наконец.

Пес отошел, и я понял, что могу двинуться с места.

– Полицейское обучение, – заметил я.

– Да. – Девушка стояла, внимательно разглядывая меня, как и раньше, на улице.

Она была худощава, угловатые линии ее тела еще больше подчеркивали черный свитер и брюки. Несмотря на внешнее высокомерие и волосы, казавшиеся золотым шлемом, во всем ее облике и ломком голосе чувствовалась беспомощность, которую встречаешь обычно у человека с револьвером в руке: этим самым он показывает, что это все, что у него имеется. У нее была собака.

– Вы все еще не доверяете мне? – произнес я. Она сказала собаке “спокойно”, а не “свой”. Если я еще раз переступлю порог ее дома в одиночестве, овчарка мгновенно набросится на меня, несмотря на то, что уже видела меня здесь в обществе хозяйки.

– Что вы будете пить? – спросила она.

– Что угодно.

Я улучил секунду и огляделся. Черный цвет и жесткие линии царили здесь: черная мебель с острыми углами, несколько аляповатых абстрактных рисунков, два кабаньих клыка на эбеновом дереве.

Она принесла шотландское виски и сказала:

– Я не доверяю всем без разбора.

– Меня это не удивляет, – ответил я. – Каким образом они пытались убить вас в первый раз?

– Я стояла на остановке троллейбуса.

– И вас толкнули?

– Да. Как раз когда подходил троллейбус. Водитель сумел вовремя затормозить. Вы связаны с комиссией “Зет”?

– Что это за комиссия “Зет”? – Она ничего не ответила и отвернулась. Юрген внимательно следил за ней и за мной.

– Вы слишком молоды, фрейлейн Линдт, – сказал я. – И ничего не можете знать о войне...

Она резко обернулась и увидела на секретере вскрытый конверт “Фрейлейн Инга Линдт”.

– ...Почему же вы ходите в Нейесштадтхалле?

Она сделала несколько шагов по направлению ко мне и остановилась. Меня вдруг поразило, что ни от нее, ни вообще в комнате не пахло никакими духами. Она стояла совершенно неподвижно.

– Готовы ли вы показать мне ваши документы?

Я протянул ей паспорт. Квиллер. Сотрудник Красного Креста. Особые приметы – шрамы в паху и на левой руке. Всего две отметки о поездке за границу, в Испанию и Португалию. Мы не любим, чтобы о нас думали, будто мы много путешествуем.

– Благодарю вас, мистер Квиллер. – Казалось, она слегка успокоилась. Видимо, ей не было известно, что лгать лучше фотоаппарата может только паспорт.

– Я разыскиваю людей, чьи родственники умерли в Англии, – сказал я. – Упоминания о них возможны в показаниях свидетелей или обвиняемых на процессах, поэтому я и хожу по судам.

Не думаю, чтобы она слушала меня. Она приблизилась и смотрела на меня в упор.

– Вы англичанин. Скажите, что вы, как англичанин, думаете об Адольфе Гитлере?

– Маньяк.

Ее губы презрительно сжались.

– Англичане сидели себе в безопасности на своем острове. Они ничего не видели.

– Ничего. – Шрам в паху был памятью о Дахау. Я плохо определяю возраст людей. Самое большее, что я мог позволить себе в данном случае, – это руководствоваться некоторыми фактами: девушка, которая по доброй воле ходила на процессы преступников, обвиняемых в массовых убийствах, убежденная в том, что ее дважды пытались убить, державшая в доме овчарку для собственной защиты и пытавшаяся скрыть тревожащие ее волнения, должна выглядеть старше своих лет. Она выглядела на тридцать.

– Когда, наконец, люди поймут, что его нужно вычеркнуть, немедленно вычеркнуть из жизни, чтобы он перестал существовать?! – произнесла она со стоном, напомнившим мне ее вопль у стены.

Подобные женщины существовали во все времена: достаточно вспомнить Митфорд. Теперь они почти вымерли, но иногда все же еще встречаются. Моя новая знакомая достигла той стадии одержимости, при которой любовь-ненависть дошла до предела: она должна была говорить об этом вслух, излить душу даже совершенно посторонним людям, лишь бы получить подтверждение, что находится на правильном пути.

– Лучший способ стереть его с лица земли, – сказал я, – это вовсе перестать думать о нем. Ни один человек не умирает до тех пор, пока последний из его близких любит его.

Лицо ее сморщилось, ее начало трясти, и все кипевшее у нее внутри вырвалось наружу в бурном потоке слов. “Никто не может понять” и “у меня все совсем по-иному...” – бормотала она, а я тихонько сидел в черном кресле и слушал. Наконец, она заговорила о фактах. Она сидела на ковре, прислонившись худеньким плечом к стулу, измученная, истощенная.

– Я была в бункере...

– В бункере фюрера?

– Да. – После первого глотка она больше не притрагивалась к бокалу.

– Когда?

Она посмотрела на меня отсутствующим взглядом.

– А вы не понимаете, когда?

– Я хочу спросить, в начале, в середине или в конце?

– Все время.

– Сколько вам тогда было лет?

– Девять.

– Ребенок.

– Да.

Голос у нее стал глуше. Ее ответы были затверженными, заученными, видимо, она уже неоднократно давала их врачам-психоаналитикам. Она сидела сторбившись, закрыв глаза. Я продолжал задавать вопросы, пока она не втянулась в эту игру. Это был классический прием, и она поддавалась ему.

– Моя мать была медсестрой у доктора Вайсмюллера. Вот почему я оказалась там. Вместе с детьми Геббельса нас было семеро детей, и у нас не было ничего общего со взрослыми. Я любила дядюшку Германа – он дарил мне медали и разные разности.

Она говорила о Германе Фегелине из войск СС.

– Я видела, как его привели обратно. Он бежал из бункера, и его схватили. Я слышала, как Гитлер кричал на него, а потом его вывели в сад канцелярии и застрелили, а я даже не плакала. У меня не было слез. Я все спрашивала маму, почему убили дядюшку Германа, и она сказала, что он плохой человек. В первый раз я тогда поняла, что такое смерть: люди уходили, и вы никогда, никогда больше не видели их. Затем по ночам меня начали мучить кошмары, и все внутри у меня разрывалось в клочья. Взрослые вели себя так странно... Я начала прятаться по углам и прислушиваться к разговорам, потому что отчаянно хотела узнать, что происходит со всеми. Однажды Фрау Юнга сказала, что Гитлер умер. Конечно, я не поверила ей: он был богом для меня, для всех нас. В саду стоял запах горелого, и кто-то из охраны увидел меня и отвел домой, к маме. Но теперь у меня не было дома. Даже мама стала чужой для меня. Даже мама...

Первый приступ жалости к себе прошел, и она продолжала говорить бесстрастным голосом, сидя сгорбившись на полу, обхватив колени руками; ее тело было таким же черным и угловатым, как и стул, к которому она прислонялась. Ее золотистые волосы были единственным светлым пятном в комнате.

– Земля начала дрожать, и все говорили, что это идут русские. Бункер трясся, и нигде было укрыться. Все время я оставалась с детьми Геббельса, потому что теперь я страшилась взрослых, но мама забрала меня от них, и больше я никогда их не видела. Я понимала только, что они мертвы. Лишь много лет спустя я узнала, что это моя мама дала им яд. Конечно, по распоряжению фрау Геббельс. Их было шестеро. Шестеро детей...

Она открыла глаза, но не смотрела на меня. Овчарка следила за ней, встревоженная ее голосом, в котором слышалась боль.

– Я боялась и сторонилась взрослых, а теперь и дети исчезли. Я не знала, что мне делать. Однажды, увидев в коридоре дядюшку Гюнтера, который был в одиночестве, я подбежала к нему, но он прогнал меня. Мне некуда было идти. И тут я увидела Геббельса и его жену. Они появились в коридоре, прошли мимо дядюшки Гюнтера, у которого в руках была большая канистра. Я даже ощущала запах бензина. Когда в саду раздались выстрелы, я закричала, но дядюшка Гюнтер, не посмотрев на меня, направился в сад. Больше я вообще ничего не понимала. Я перестала что-нибудь понимать.

Гюнтер Швагерман был адъютантом Геббельса. Он получил приказ облить покойников бензином и сжечь.

– В ту ночь моя мама увела меня. Мы шли в толпе других людей. Земля сотрясалась. Небо, от края и до края, было багровым. В нашей группе было четыре женщины; одна из них – повариха. Она все время рвалась вперед, а остальные удерживали ее. Фридрихштрассе находилась под сильным артиллерийским обстрелом русских. Мы добрались до моста Видендаммер, когда я потеряла сознание. Я помню только блеск воды и запах дыма...

Она поднялась с места так резко, что собака хрипло зарычала. Окна не были задернуты, и сумрачный свет с улицы осветил ее лицо, когда она выглянула наружу.

Я ждал, набравшись терпения, и, хотя ноги у меня начало сводить, не шевелился, из страха перед рычавшей собакой. Инга стояла неподвижно, словно статуя, вытянув голову вперед и глядя в окно на улицу.

– Тогда-то и началось разложение... в бункере. Когда застрелили дядюшку Германа, вся моя жизнь сразу перевернулась. Взрослые пугали меня своими странностями, и я побежала обратно к тем единственным, которых могла понять, – к детям. Но затем и их забрали от меня, и я знала, что они тоже мертвы. Больше деваться было некуда, мне казалось, что земля раскалывается у меня под ногами, и я знала, что русские идут. Но должно же было быть хоть

что-нибудь, во что я могла бы поверить?! Не мама, потому что она была такая же, как и все взрослые, чужая и измученная, и я видела ее выходящей из комнаты, в которой жили мои ровесники, и поняла, что произошло. Только кто-нибудь очень могущественный и сильный мог помочь мне теперь, кто-нибудь, кто никогда не мог умереть, кто всегда был бы рядом, чтобы поддержать меня. Единственным божеством, о котором мне всегда твердили, был фюрер.

Она вдруг взглянула на меня сверху вниз; лицо ее оказалось в тени, и я не смог разглядеть выражения ее глаз.

– Это называется травмой, психозом, не так ли?

Мне показалось, что она ждет от меня ответа.

– Я предпочитаю более простое слово, которое вы произнесли.

– Какое именно?

– Разложение.

– Это одно и то же.

– Однако говорит о различном отношении к происшедшему. Оно означает, что вы твердо стоите на ногах...

– Я больше не хожу к психиатрам.

– Значит, вы единственный житель Берлина, который этого не делает.

– Я ходила, но...

– Бросили?

– Да.

– Теперь вместо этого вы ходите в Нейесштадтхалле? Убедиться самой, какие творились ужасы? Своего рода лечение болезни электрическим шоком.

Мне следовало быть осторожным, чтобы не касаться вопроса, на который я хотел получить ответ до того, как уйду отсюда. Я хотел, чтобы она сама заговорила об этом, без моей помощи.

– Вы очень хорошо понимаете меня, – произнесла она.

– Это не так уж сложно.

Она подошла и остановилась рядом со мной. В черных брюках, с прямыми ногами, узкими бедрами, изогнув напряженное, словно лук, тело, она была похожа на тореадора.

– Зачем вы пришли сюда? – спросила она.

– Кроме этого, у меня был только один вариант.

– Какой?

– Пойти в полицию.

Глаза ее сузились.

– В полицию?

– Я стал свидетелем покушения на убийство. Моим долгом было немедленно сообщить об этом.

– Почему же вы этого не сделали?

– По двум причинам. Вы могли заблуждаться. Несчастный случай, вызванный гололедами, мог показаться вам попыткой к убийству. К тому же я англичанин, а в Англии мы со всеми неприятностями обращаемся к ближайшему полисмену, ибо знаем, кто он такой. В вашей стране вы этого не знаете. Я не должен был забывать об этом.

– Вы не верите нашей полиции?

– Вчера по обвинению в массовых убийствах арестован один из высших полицейских чиновников – начальник службы безопасности канцлера. – Я поднялся с места и взял в руки бокал. Он был пуст.

– Вы не объяснили, почему вы пришли сюда.

– Повторяю, по двум причинам. Я предложил зайти в бар. Вы пригласили к себе.

– Я хотела поговорить с вами.

– Вы хотели поговорить с кем-нибудь. С кем угодно.

– Да. Это было словно шок. И вы подумали, что у меня нет друзей?

– Я и сейчас продолжаю так думать. У тех, у кого есть друзья, не возникает желания разговаривать с первым встречным.

Озадаченная, она наполнила мой бокал. Внезапно все ее высокомерие исчезло. Я добавил:

– Только глупцы не могут найти друзей.

– Вы сумели сделать так, что с вами легко разговаривать. Должно быть, это похоже на истерию. Вы, верно, приняли меня за психопатку, страдающую манией преследования?

– Ни в коей мере. Кто-то вторично совершил попытку убить вас, а вы даже не упомянули о первом случае.

– Об этом нечего рассказывать.

Но я все еще хотел получить ответ на свой вопрос. Она не уклонялась от этого. Просто ей не приходило в голову, что именно я хочу узнать.

– У них есть для этого причины, – вдруг сказала она.

– У них?

– Да. У нацистской группы.

– У нацистов есть причины уничтожить человека, полувлюбленного в Гитлера?!

– Вы обязательно должны были это так сформулировать?

– И которого преследует мертвое божество?

Плечи ее вяло опустились. От вызывающего вида не осталось и следа. Исповедь до предела истощила ее. Она произнесла ровным, ничего не выражающим голосом:

– Я присоединилась к их группе сразу же после окончания школы. Они называли себя “Феникс”. Они стали для меня приемными родителями, ведь моя мать так и не перебралась в ту ночь через мост Видендаммер. Ее убило осколком. Затем я стала взрослеть и два или три года назад вышла из группы. Это произошло не сразу – просто я начала реже ходить в тот дом, а затем и вовсе прекратила посещения. Они разыскали меня и пытались вернуть, потому что я слишком многое знала. Я знала, кто покинул бункер и куда отправился. Я знаю, где сейчас находится Борман. Вернуться я отказалась, но я поклялась на... поклялась, что никогда ничего и никому не расскажу. Возможно, они решили, что я проболталась или там появился какой-нибудь новый человек, и они начали вести какую-нибудь новую политику, во всяком случае, месяц назад произошел случай на остановке троллейбуса, и вот сегодня...

Я допил бокал и поднялся, собираясь уходить.

– Почему у людей возникает иногда непреодолимая потребность делать то, чего, они знают, делать не следует? – вдруг спросила она.

– В трудную минуту наговорите магнитофонную ленту, а затем сожгите ее. Или разговаривайте с Юргеном. Но никогда больше не откровенничайте с посторонними. Вы не знаете, куда они пойдут, покинув ваш дом. Если в какую-нибудь антинацистскую организацию, то “Феникс” инсценировать несчастных случаев больше не будет. Их люди окажутся здесь в течение часа, и вам не поможет Юрген, потому что он не бронированный и не заговорен от пуль.

Я направился к двери, и овчарка поднялась с места.

– Может быть, мне уехать из Берлина? – беспокойно спросила она.

– Это было бы самое благоразумное.

Она открыла мне дверь. Наши взгляды встретились, и я заметил в ее глазах борьбу, которую она пыталась вести ради спасения своей гордости. Она проиграла.

– Вы... Вы не из ЦРУ... или...

Я ответил отрицательно.

– Но мог бы быть. Не забывайте об этом. Не доверяйте незнакомым людям. Никогда нельзя знать, кем они являются на самом деле.

На улице было холодно, особенно после теплого помещения. Я прибавил шаг. Снег набился мне в ботинки, и изо рта шел пар. Я все время думал о девушке и верил, что вел себя правильно. Если у меня и были какие-либо сомнения, то они исчезли тотчас, когда где-то на Унтер-ден-Эйхен я понял, что за мной следят.

6. “Квота”

До угла Унтер-ден-Эйхен и Альбрехтштрассе я шел в том же темпе, но делая более длинные шаги, чтобы со стороны не было заметно, что я наддал ходу. Первым укрытием по Альбрехтштрассе оказалась автоцистерна с пивом, и, зайдя за нее, я воспользовался выдвинутым далеко в сторону для заднего обзора зеркалом водителя, чтобы посмотреть, что делается сзади. Когда филер торопливо прошел мимо, я перешел на другую сторону улицы, купил и развернул вечерний выпуск “Ди лейте”, чтобы изменить свой облик, и зашагал дальше. Некоторое время спустя он повернул обратно, и я видел, как он торопливо оглядел бар, аптеку и киоск, в котором я приобрел газету.

Явно встревоженный, он остановился на тротуаре, переминаясь с ноги на ногу, словно замерз. Он был растерян. Затем, сдавшись, он махнул на все рукой и направился в пивной бар. Я выждал минут пятнадцать, затем тоже вошел в бар, присел к его столику и сказал:

– Если я еще раз увижу вас, то устрою такой скандал в резидентуре, что вы закончите свою карьеру мойщиком окон.

Он выглядел моложе, чем был на самом деле. Он не раскрывал рта, пока мне не принесли кружку пива, так он опешил.

– Вы знаете, что случилось с КЛД? – наконец произнес он.

– Со мной этого не случится.

– Он был чертовски хорошим парнем.

По-немецки это звучало еще даже более экспансивно. Его злила смерть КЛД. Это был Хенгель, я узнал его по фотографии, помеченной буквой, означавшей “абсолютно надежен”, находившейся в меморандуме, полученном мной от Поля. Поль еще сказал тогда: “Вы можете положиться на двух людей. Один – американец Фрэнк Брэнд, другой – молодой немец Ланц Хенгель”.

До того, как я узнал его, я было подумал, что он подослан противной стороной и что “Феникс” – если они по-прежнему называют себя так – поручил ему следить за теми, кто поддерживает связь с этой девушкой, Ингой Линдт. Это было вполне вероятно.

– Да, – сказал я, – он был чертовски хорошим парнем. И он пользовался прикрытием, но это его не спасло.

– Я прикрывал его, – произнес Хенгель, кипя от злости.

– Знаю, не мучайтесь. В тот день в Далласе было шестьдесят агентов, несших охрану непосредственно вблизи президента.

– Меня специально отобрали для этого. – Даллас его ничуть не интересовал.

– Стало быть, вы споткнулись. – Мне по горло хватало сантиментов фрейлейн Линдт.

– По чьему приказу вы охраняли меня? – спросил я.

– У меня не было приказа.

По крайней мере, он был честен.

– Сколько времени вы работаете на этом поприще?

– Уже два года.

Он сидел, кусая губы. У него было хорошее бесхитростное лицо. Ему как раз не хватало самого необходимого для его профессии: лукавства. Я подивился: почему для прикрытия КЛД выбрали именно его.

– Вы можете найти себе другие игрушки, Хенгель, но не вертитесь у меня под ногами. Я же просил: никакого прикрытия. Охрана была снята вчера с полуночи.

Если бы он принялся спорить, я бы ошарашил его несколькими фактами. Где он повстречал меня? Он, конечно, знал, в каком отеле я живу, но шел за мной не оттуда, иначе бы я давно заметил его. Он не мог знать, что я пойду в Нейесштадтхалле, так как я решил пойти туда

в последнюю минуту: до получения через сводку биржевых новостей по радио соответствующего подтверждения относительно Поля я не хотел прибегать к активным действиям; поэтому Нейесштадтхалле показался мне самым удобным местом, где можно было спокойно провести день. Он обнаружил меня не там, иначе я бы это заметил, а будь он у стены во время нового происшествия, он непременно заговорил бы об этом, тем более, что находился в отчаянии и во что бы то ни стало хотел прикрыть меня, спасти мне жизнь и тем самым загладить вину за смерть КЛД. Не мог он знать и о, том, что я пошел на квартиру к Инге... Из этого следовало только одно – он встретил меня на Унтер-ден-Эйхен совершенно случайно, либо же кто-нибудь из сотрудников резидентуры увидел меня и сказал ему, и он принялся ходить за мной по собственной инициативе.

Берлинская резидентура располагалась в двух комнатах на девятом этаже здания на углу Унтер-ден-Эйхен и Ронер-аллее, куда, помимо главного входа, можно было пройти через пассаж рядом с магазином шляп. Из окон помещения был отличный обзор обеих улиц, и наблюдатель, вооруженный к тому же цейсовским пятнадцатикратным биноклем, через который на расстоянии пятидесяти метров можно разглядеть каждый волосок на мухе, всегда мог увидеть, не ведется ли слежка за кем-либо из сотрудников, приходящих в резидентуру. Будучи одним из трех агентов, оперирующих с этой базы, я не мог и шагу ступить по этим улицам без того, чтобы не быть замеченным. Я увидел, что за мной следят, на середине Унтер-ден-Эйхен.

Я не только быстро скрылся от Хенгеля, но и обнаружил-то он меня совершенно случайно. Скажи я ему, что знаю об этом, он бы прокусил себе губы до крови. А если бы он узнал, что на жизнь, которую он с таким рвением пытается охранять, уже покушались, о чем он даже не подозревает, он бы просто умер на месте.

Не сказав поэтому больше ни слова, я допил пиво и ушел.

Вернувшись в отель, я слегка перекусил и настроил приемник на “Евросаунд”. Передавали биржевые новости. Я дождался интересующих меня сведений: “Квота Фрейт Трейдерс”: 878 1/2 плюс 2 1/8”, и выключил приемник.

Система связи “Почта – биржа” ограничена по времени, но зато застрахована от дураков. Ее разработал один из сотрудников нашего шифровального отдела. Она настолько безопасна, что позволяет доверять свои сообщения обычной почтовой связи, и в Федеративной Республике Германия действует так же безукоризненно, как и в любом другом уголке земного шара. Агент может не наклеивать марки на конверт, потому что найти марку не всегда бывает возможно (например, когда выходишь из театра). Куда более важно то, что конверт без марки, как правило, регистрируется, так как он должен быть вручен адресату в руки для получения соответствующей доплаты. Таким образом, даже если у агента имеется при себе важный документ и он подозревает, что за ним следят с целью овладеть этим документом, он может запросто отделаться от него у первого почтового ящика и тем самым обеспечить его сохранность. В “Евросаунде” у нас есть специальный человек, который получает наши донесения, пересылаемые подобным образом. Радиостанция “Евросаунд”, существующая под покровительством НАТО и Индустриального союза Бенелюкса, транслирует легкую музыку, последние известия США, Великобритании и Франции, а также коммерческие программы.

Центр имеет возможности (о которых никто не подозревает) дважды в день вставлять в передачи биржевых новостей сведения о курсе несуществующих акций. В моем случае это было “Квота Фрейт Трейдерс”. (Во время цоссеновской операции “Квота” являлась позывным сигналом и варьировалась пятью разными способами: “Квота Фрейт Трейдерс” полностью, “Квота Фрейт”, “Квота Трейдерс”, просто “Квота” и “КФТ”.) Каждый из этих вариантов таил в себе ключ к одной из пяти кодовых систем. Агент, как правило, прибегает к помощи кодовой книги, так как цифры в графе “Стоимости” и “Курса” (878 1/2 плюс 2 1/8, как было сегодня) имели тысячи значений. “8”, стоящая отдельно, имела иной смысл, чем “8”, стоящая впереди “7”, и совсем другое значение, если появлялась перед “78”. Дробь также могли изме-

нить смысл сигнала, который дается основной суммой цифр. И так далее. Я не имею кодовой книги, потому что предпочитаю полагаться на свою память.

Программы “Евросаунда” финансируются крупными концернами и рассчитаны на слушателей, предпочитающих легкую музыку, а также на тех, кто слушает сообщения последних известий и развлекательные программы. Никто, конечно, не интересовался биржевыми новостями, и передачи их следовало бы прекратить после первых же социологических исследований интересов радиослушателей. Однако финансирующие радиостанцию предприятия настояли на том, чтобы биржевые новости транслировались дважды в день, ведь при этом упоминались их акции, что являлось для них лишней рекламой. Факт остается фактом: со времени введения в действие нашей системы связи “Почта – биржа” ни один из радиослушателей не обратился в “Евросаунд” и не поинтересовался, какого черта означает “Квота Фрейт Трейдерс” и где можно приобрести акции этой фирмы.

Система ответа по радио имеет два преимущества. Письменный ответ на сообщение агента занимал бы больше времени и мог быть перехвачен, даже будучи отправлен без марки. Доплатное письмо, доставленное мне в отель “Принц Иоганн”, оплачивалось бы дежурным администратором и дожидалось бы на его конторке моего прихода в течение многих часов, а иногда и даже дней. Это было рискованно. Получать письма до востребования тоже ненадежно.

Второе преимущество системы “П. – Б.” заключается в том, что, в каком бы краю света ни находился агент, он мог получить адресуемое ему сообщение в точно установленное время. Агент мог, если это было неизбежно, принять сообщение, даже находясь на людях – в баре или еще где, даже стоя бок о бок с представителем противной партии.

Однако система эта медленна, и ею нельзя пользоваться в срочных случаях, когда приходится идти на риск, который в любой стране заключается в том, что Центр может по многим причинам работать против интересов полицейской службы этой страны. В случае со мной телефонный звонок в берлинскую резиденцию был рискован и поэтому допускался лишь при исключительных обстоятельствах, так как я противостоял интересам определенных сотрудников Федеральной полицейской службы, скрытых экс- и неонацистов, заполнивших департамент, начиная с верхних чинов (как только что арестованный Эвальд Петерс) и до рядового полицейского. Увидев, что я отошел от телефона, любой сотрудник органов безопасности, предъявив свои документы, мог потребовать от служащего отеля, ресторана, бара или от телефонистки, чтобы ему сообщили, по какому номеру я звонил. Я уже не говорю о возможности подключения к линии.

Против этого у нас есть два спасения. Существует условный язык, согласно которому “Сегодня утром я ужинаю с Дэвисом” означает в действительности: “Я отправляюсь на задание”, и так далее. Если нужно сообщить что-нибудь более сложное устно или по телефону, мы прибегаем к помощи диалекта Рабинд-Танат, на котором разговаривал Лахриста, наш сотрудник. Лахриста уже давно находился в Берлине и служил в нашей резидентуре, в свободное время работая над диссертацией, посвященной лингвистическим проблемам.

Для подтверждения личности и полномочий Поля я отправил его фотографию по почте и привел в действие всю систему. Как правило, агенту вручалась фотография человека, которому было приказано войти с ним в контакт, если прежде они никогда не встречались. Когда в Центре получали по почте чью-либо фотографию без сопроводительной записки, это означало только одно: “Кто это такой?”

Ответ гласил – 878 плюс 2 1/8:

“Назвался своим именем. Полностью доверьтесь ему. Связной из Лондона”.

Покинув Лондон более двух лет назад, я никогда прежде не слышал о нем. Я бы вовсе не встретился с ним, если бы смерть КЛД не создала чрезвычайной обстановки. Вилли Поль

(так он именовался в меморандуме) прилетел из Лондона для связи со мной. Где он сейчас? Летит обратно? Счастливый, мерзавец!

Проснувшись, я тут же вспомнил узкие плечи Инги, позу, в которой она стояла передо мной. Непрошеное воспоминание. Во сне я видел черную пантеру. Я пытался восстановить в памяти весь сон, но тщетно. Сны уходят в первые же секунды пробуждения, словно призраки на рассвете.

Я принялся размышлять о более практических делах. Перед сном я задался одной проблемой, и к утру она была разрешена. Решение: начать действовать сегодня же.

Я допустил слишком много предположений, и это ни к чему не привело. Так, я предположил, что люди в автомобиле хотели убить меня, а не фрейлейн Линдт. Я предположил, что человек, который следил за мной на Унтер-ден-Эйхен, был противником, и ошибся. Я мог ошибиться и в отношении автомобиля. Возможно, они имели намерение убить не меня. Может быть, они даже и не подозревают о моем существовании. Моя позиция будет ложной, если я буду исходить из того, что, пока я выходил на охоту за Цоссеном, он начал охоту за мной.

Итак, я все же должен вызвать огонь на себя. Если они уже напали на мой след, что ж, я ничего не потеряю от того, что начну действовать. Я должен оказаться там, где им нужно, и не терять надежды, что проживу достаточно долго для того, чтобы нанести удар.

Еще не было десяти часов, когда я появился в канцелярии прокурора Западного Берлина и принес досье на трех раскрытых мной военных преступников, а также документы, подтверждающие, что я работаю в контакте с комиссией “Зет”, как это и было в действительности. В течение шести месяцев я действовал, соблюдая строгую конспирацию, теперь я высунул голову, чтобы “Феникс” мог меня увидеть.

– Нам ничего не известно об этих людях, – жалобно произнес герр Эберт.

– Теперь вам известно все, господин прокурор.

Он высокопарно поклонился; голова его была похожа на большой булыжник, удерживающий равновесие на другом, еще большем голыше. Несколько месяцев назад я познакомился с его досье, так как мне косвенно приходилось иметь дело с руководимым им учреждением. Правда, ему не было известно, что это через меня прокуратура получила улики, согласно которым он подписывал ордера на арест.

Я ждал двадцать минут, пока он, грузно переваливаясь в кресле, читал принесенные мной документы. Улики против этих трех людей были собраны мной в течение последней недели, и я рассчитывал вручить их моему преемнику, чтобы помочь ему сделать хороший старт в работе. Теперь я сам воспользовался ими.

– Весьма доказательно, герр Квиллер.

– Да.

– По-видимому, ваши источники заслуживают доверия. Должно быть, вам пришлось много потрудиться.

Он взглянул на меня из-под рыжеватых бровей. Он пожелал узнать, как мне удалось докопаться до всего этого таким образом, что он даже не слышал обо мне.

Его лицо оставалось по-прежнему сосредоточенным.

– Необходимо немедленно арестовать их.

– Да.

– Может быть, вы сообщите мне адреса, где разыскать этих людей?

– Если вы дадите указания полиции “Зет”, я отправлюсь вместе с ними.

– Но в этом нет необходимости.

– И все же...

– Вы желаете принять участие в задержании?

– Если вы предпочитаете это выражение.

– Хорошо, – он поднял трубку.

Всегда бывает радостно на душе, когда делаешь то, что хочешь, хоть и не обязан этого делать. Я не должен был присутствовать при предстоящих арестах хотя бы потому, что это потворствовало бы садистскому удовольствию видеть этих людей в тот момент, когда Немезида кладет руку им на плечо. Однако я помню одного из них, Раушника, инспектирующим строй девушек, направленных в Дахау для “специального лечения”. Они стояли раздетые вдоль стены в коридоре, и он отобрал десять из них для медицинских экспериментов. Не знаю, что именно произошло с ними, но знаю – смерть их была нелегкой.

Я никогда не встречал двух других – Фогля и Шрадера, – но, по собранным мною данным, они превзошли доктора Раушника в зверствах. Поэтому я позволил себе удовольствие посмотреть им в лицо в последний час их свободы. Да и для главной цели, которую я преследовал, решение принять участие в операции вместе с полицией “Зет” могло оказаться полезным. К тому времени, как по моей инициативе и в моем присутствии будет произведен третий арест, “Феникс” направится по моему следу. Цель оправдывает средства.

– Машина заедет за вами через пятнадцать минут, герр Квиллер. – Эберт расписался в получении документов. – Возможно, я буду иметь удовольствие еще раз встретиться с вами?

– Я вам это гарантирую, господин генеральный прокурор.

Салон красоты находился на Мариенфельдерплац; мы вдвоем вошли внутрь. Капитан полиции и сержант были вооружены, хотя и одеты в гражданское платье. Перегородка, перебитая вьющимися растениями, отделяла небольшие кабины от комнаты ожидания. Нас пригласили сесть, но мы продолжали стоять. В мраморном бассейне, выложенном в форме раковины, бил фонтан, и яркие тропические рыбки плавали в бассейне. Пурпурные газовые занавески драпировали стены, и свет лился с потолка из позолоченных окружностей, сделанных в виде солнца с лучами. Пахло дорогими духами. Стройная Венера стояла в мягко освещенной нише, опоясанная золотыми лентами диплома, полученного владельцем салона на Парижской выставке 1964 года.

Горничная, тяжеловесная девица с дикими, словно из джунглей, глазами, сказала:

– Герр доктор вынужден просить вас обождать его полчаса, так как он занят весьма тонкой операцией, – глаза расширились, – а клиентка – баронесса.

Подол ее пурпурной греческой туники распахнулся, когда она повернулась, чтобы направиться к двери.

Капитан полиции знал, что не следовало раньше времени козырять своим удостоверением. Здесь мог быть еще один или даже несколько выходов. Вместе с сержантом я последовал за ним через низкие золоченые ворота.

Доктор Раушник находился в первой кабине. Его лицо округлилось с тех пор, как я видел его в последний раз, но сразу же узнал его и кивнул капитану.

– Джулиус Раушник! – произнес капитан. Встревоженный нашим вторжением, он сказал, что его зовут доктор Либенфельс. Он никогда и не слышал о Раушнике. Капитан показал ему фотографию, сделанную в 1945 году в проверочном пункте американской армии на датском фронте, которую я обнаружил в архивах комиссии “Зет” среди прочих фотографий. Фамилии на них не были указаны, но мне этого и не требовалось.

Женщина в кресле выгнула шею, презрительно поблескивая на нас глазами сквозь какую-то мазь, которой было густо покрыто ее лицо. Я повернулся спиной, не желая более видеть Раушника. Мне было даже противно слышать его. Чем больше он негодовал, тем больше дрожал его голос.

– Вы ошиблись, уверяю вас! – И так далее. – Это чревато опасностью для нежных лицевых мышц баронессы, если мне придется прервать процедуру! – И тому подобное.

Но я заметил жестикуляцию его рук, и разъедающее душу чувство мести вновь овладело мной. Лицо не бывает столь выразительно, как руки. А эти холеные белые руки, священнодействовавшие во имя тщеславия этой женщины, нежно, словно к цветку, прикасавшиеся к ее

поблекшему лицу в попытке вернуть ему расцвет молодости, когда-то впивались в лица и тела девушек в Дахау, словно когти зверя, разрывающего мясо своей добычи.

Его руки жестикулировали в надушенном воздухе. Голос пронзительно захлебывался в отрицаниях. Встревоженная женщина закричала, а горничная в тунике растерянно замерла в дверях.

– Прошу вас следовать за мной, – сказал капитан.

– Я должен позвонить моему адвокату.

– Позвоните от нас.

– Но у меня нет обуви, пригодной в снежную погоду! Мой шофер заедет за мной только вечером.

– Машина у подъезда.

– Вы не имеете права отрывать меня от работы! Эта дама...

– Герр Раушниг, если вы мирно пройдете с нами, никому не придется испытывать никаких неудобств.

Он начал громко рыдать, а я, чтобы не слышать его, сосредоточил внимание на лице горничной; на нем был написан ужас, свет лампы отражался в ее глазах. Я обернулся к лампе с маленьким розовым абажуром и вспомнил белый абажур на той лампе, которая находилась в частной квартире гауптштурмфюрера Раушнига в Дахау. По разработанной им технике белый абажур, и пара перчаток, и обложки для книг были сделаны из человеческой кожи умелыми руками его сожительницы.

– Вы не можете забрать меня!

Баронесса завизжала, когда он бросился мимо горничной к двери. Сержант подставил ему ногу; чтобы удержаться, он ухватился за розовую занавеску и, падая, сбил плечом и сломал тонкую перегородку.

Он катался по полу, закутанный в газовую ткань. Банка с жидкой мазью свалилась со столика, испачкав ему брюки. Он что-то лепетал. Я перешагнул через него и вышел в приемную, оттуда на улицу и оказался ослепленным неожиданными фотовспышками.

– Обождите, – сказал я. – Сейчас его выведут.

(Я заблаговременно позвонил в отделение Ассошиэйтед Пресс и сообщил кое-какие сведения).

Когда Раушнига вывели, я встал рядом с ним, и фотокорреспонденты принялись за свое дело. К вечеру мое изображение появится в газетах, и “Феникс” увидит его.

7. Красная черта

Пуля, выпущенная из маленького восьмимиллиметрового пистолета марки “Пельман и Розенталь МК IV”, делает около двух тысяч оборотов в секунду и при выстреле с очень близкого расстояния оставляет рваную рану и ярко выраженный ожог, пронзая тело, словно свер-хострое сверло в сочетании с паяльной лампой.

У Шрадера был разворочен череп, и лишь одну половину лица можно было распознать. Полицейский капитан вынул для сравнения фотокарточку, взял у секретаря письменное под-тверждение личности самоубийцы и затем позвонил в уголовную полицию, так как теперь Шра-дер переходил в их ведение. Он уже никогда не предстанет перед судом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.